

Николай ОСТРОВСКИЙ и Виктор КИН

(Окончание. Начало на 17-й стр.)

делал. «Бумага задымилась кровью, и перо нагрелось от горячих слов». Но вот он прочел листовку, оставленную Безайсом. Она звала к борьбе, к действию. И тогда Матвеев понял, что он никогда не допишет повесть, что вся она не стоит даже запятой в этой листовке, кем-то наспех написанной. Он сжигает страницы повести и, чтобы доказать, что он тоже к чему-нибудь годеи, берет ночью, тайком, сверток листовок, ведерко с клеем, кисть и, пренебрегая опасностью, отправляется один, на костылях, в город.

Все кончается трагически: Матвеева ловят, и он погибает в ожесточенной и неравной схватке. И вот его последние предсмертные переживания:

«— Здоровый... дьявол, — донеслось до него. — Помучились с ним...»

Это наполнило его безумной гордостью. Оно немного опоздало, его признание, но все-таки пришло, наконец. Теперь он получил все, что ему причиталось. Снова он стоял в строю и смотрел на людей, как

равный, и шел вместе со всеми напролом, через жизнь и смерть. Клонясь к земле, на снег, под невыносимой тяжестью роняя силы, он улыбнулся разбитыми губами.

Островский не удовлетворился таким концом: Корчагин дописал повесть. Он готов был, в случае нужды, продолжить наступление. «Все ли сделал ты, чтобы вырваться из железного кольца, чтобы вернуться в строй, сделать свою жизнь полезной?» — спрашивал он себя. И отвечал: «Да, кажется, все!» У его героизма более ясный ум и более крепкие нервы. Он не на миг, а на годы. Матвеев возвращается в жизнь через смерть. Корчагин прорывает смертельное кольцо блокады.

Несогласие Островского с концом книги Кина имеет, как мы видим, важное принципиальное значение.

Дело не в том, кто прав: Матвеев или Корчагин. Истина конкретна. Юноши действуют в разных условиях. Но очевидно, что характер Корчагина — с

большим запасом прочности, нежели характер Матвеева. Внутренний монолог Корчагина сильнее, содержательнее матвеевского. Тому показался смешным «банальный жест самоубийцы», он вспомнил избитые фразы, пошлые разговоры. Здесь же совсем другое: «—...Шлепнуть себя каждый дурак сумеет всегда и во всякое время. Это самый трусливый и легкий выход из положения. Трудно жить — шлепайся. А ты попробовал эту жизнь победить? Ты все сделал, чтобы вырваться из железного кольца? А ты забыл, как под Новоград-Волынском семнадцать раз в день в атаку ходили и взяли-таки наперекор всему? Спрячь револьвер и никому никогда об этом не рассказывай!» И дальше — строки, которые я уже привел: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

Да и то, что пережил Корчагин, куда тяжелее того, что пережил Матвеев!

И Островский, думая о будущем

Корчагина, спорил с Матвеевым, не соглашался с концом книги Виктора Кина «По ту сторону», которую полюбил.

ОНИ ВСТРЕТИЛИСЬ вскоре в Москве и имели, конечно, возможность побеседовать друг с другом о том, что их волновало. Виктор Кин проникся к Островскому самыми светлыми чувствами. Он писал о нем после его смерти:

«...всего несколько дней назад по пяти часов в день я сидел около его кровати: мы работали над рукописью «Рожденные бурей», готовя ее к печати, спорили о гербах, сокращали ее, вносили поправки.

Его работа над книгой не имела ничего общего с вялым корпением литературного ремесленника, изготавливающего занимательное чтиво. Он писал с той же страстью, с бесстрашием и презрением к смерти, с какой скакал на коне по улицам взятого нами города, когда сзади разорвался польский снаряд, ударивший его осколком в спину.

Его новая книга дает образы замечательных, героических и бесстрашных людей, каким был и сам Островский».

Виктор Кин, судя по всему, понял Островского и отдал живому Корчагину должную дань восхищения.

Литературная Россия, 1963, № 7, 15 февраля

Николай ОСТРОВСКИЙ и Виктор КИН

НЕДАВНО отмечалось шестидесятилетие со дня рождения Виктора Кина — автора прекрасного романа «По ту сторону». Л. Славин справедливо писал в «Литературной газете»: «По ту сторону» — это, в сущности, биография одного из самых романтических поколений нашей революции, его страстей, его идей, его надежд, его трагедий. В этом романе есть что-то общее с «Оводом».

Я же, думая о Викторе Кине, вспомнил одно из писем Николая Островского, в котором он весьма уважительно говорил о Кине, вспомнил то, что Кин рецензировал рукопись романа «Рожденные бурей», был редактором этой книги, написал к ней послесловие.

Письмо Николая Островского датировано октябрём 1936 года. Оно адресовано тогдашнему директору Гослитиздата Н. Н. Накорякову и связано с тем, что издательство готовило к печати новый роман Островского «Рожденные бурей». Накоряков послал Островскому в Сочи рецензию, написанную Виктором Кином. Он предложил, чтобы Кин стал редактором книги Островского. Речь шла и о том, чтобы до предстоящего приезда Островского в Москву провести основную редакторскую работу.

Островский внимательно отнесся ко всем критическим замечаниям Кина. «Побольше свежего ветра, — писал он, — и дышать нам будет легче. А то за реверансами трудно разглядеть свои недостатки, а их безусловно немало». Заботясь о том, чтобы недостатков в его новом произведении было как можно меньше, он просил: «...Редактором «Рожденных бурей» должен быть глубоко культурный человек — партизнец. Скажу больше, и — это должен быть са-

мый лучший Ваш редактор. Я ведь имею на это право». И дальше следует то, что заслуживает особого интереса: «Если В. Кин — это автор романа «По ту сторону», книги, которую я люблю (хотя с концом ее не согласен), то это был бы наиболее близкий мне редактор». Там же: «Дружеский привет товарищу Кину».

Островский, судя по всему, прочел книгу Виктора Кина вскоре после ее выхода (1928 г.). Это было время, когда он мучительно вынашивал свою «Как закалялась сталь». Роман «По ту сторону» произвел на него сильное впечатление. С чем же он в нем не согласился? С концом, с тем самым местом, где судьба Матвеева «перекрещивается» с судьбой Корчагина. Напомню его.

1921 год. Два друга — Безайс и Матвеев, два молодых коммуниста, командированы в окруженный белыми Хабаровск. Оттуда им предстояло перебраться через линию фронта в Приморье — к партизанам. Но когда они достигли Хабаровска, белые уже заняли город. Их пытались задержать. Они спаслись Матвеев, однако, был тяжело ранен: пришлось ампутировать ногу. И вот начинается трагедия Матвеева. Находясь в городе, занятом врагами, он торопит Безайса: «...мы обязаны доехать и начать работу». Тот пытается его вразумить: «...да ведь это место черт знает где — в гайге. Туда и здоровым людям трудно добраться, а как же ты?» Тогда Матвеев просит привлечь его к подпольной работе в городе: «— Новая нога у меня не вырастет... берите мяча, какой я есть. Вместе с костылями. На какую угодно работу, все равно». Его просят не обижаться, но дают понять, что он не мо-

С. ТРЕГУБ

жест участвовать в готовящейся боевой операции, он будет мешать. «— Чем? Очень просто. Это не игра. Там будет драка. А драться вы не можете... Кому-то придется за вами присматривать. На костылях вы далеко не убежите — значит, будете задерживать других».

Возникает беспощадно-суровый вопрос: «Зачем жить?» Тот самый, который возник, как мы помним, и перед Корчагиным. И вот страница из романа «По ту сторону»:

«Тогда он вынул из-под подушки револьвер и, наклонившись к окну, заглянул в дуло. «Как живем?» — пробормотал он. Дуло преданно смотрело ему в глаза. У револьвера была простая, честная душа, какая бывает у больших и сильных собак. Он выручал Матвеева несколько раз раньше, в хорошее время, и готов был выручить сейчас.

Ведь бывают случаи, когда лучше самому выйти за дверь. На что он был теперь годен — без ноги, когда даже свои обходят его? Он привык жить полной жизнью и идти впереди других, а его просят отойти в сторону и не мешать.

Он осматривал револьвер. Было трудно пойми на это, как трудно бывает выбросить старую сломанную вещь, к которой давно привык. Смерть — это скверная штука, что бы там ни говорили о ней.

— Привычки нет, — пробормотал он, взвешивая курок.

Он поднял руку, чтобы выплеснуть жизнь одним взмахом, как выплескивают воду из стакана. Это был плохой выход, но ведь он не хвастался им.

Но была, очевидно, какая-то годами раставшая сила, которой он не знал до этого дня. На полу, в лунном квадрате, он увидел свою тень с револьвером у головы и тотчас же вспомнил избитые фра-

зы о трусости, о театральности, о нехорошем кокетстве со смертью, — и ему показался смешным этот банальный жест самоубийцы.

Такая смерть была бесконечно опошлена в «дневниках происшествий» в праздной болтовне за чайными столами всего мира — да и сам он всегда считал самоубийцу самыми худшими из покойников. Несколько минут он сидел, глядя на свою тень и нерешительно царапая подбородок, а потом осторожно, придерживая пальцем, спустил курок. В конце концов у человека всегда найдется время прострелить себе голову.

— Представление откладывается, — прошептал он, накрываясь одеялом.

Эта страница Кина ассоциируется, конечно, с той самой страницей из второй части «Как закалялась сталь», где Корчагин, сидя в приморском парке, тревожно думал о своей жизни и его рука потянулась к револьверу. Там дуло смотрит не «преданно», а «презрительно», и у него отнюдь не «простая, честная душа». Матвеев иронически прошептал: «Представление откладывается». Корчагин же зло выругался: «— Все это бумажный героизм, братишка!» И он произнес слова, звучащие, как девиз: «Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай ее полезной».

В этом месте — то, с чем не согласен Островский. У Матвеева «представление» откладывалось: «В конце концов у человека всегда найдется время прострелить себе голову». Корчагин же пришел к более решительному выводу: «представление» не откладывается, а огнемается, раз и навсегда.

Любопытно дальнейшее развитие сюжета. Матвеев принялся писать повесть. Ему нравилось то, что он

(Окончание на 22-й стр.)

Литературная Россия, 1963, №7, 15 февраля